

Н. Я. АБРАМОВИЧ

Новое время и «соблазненные младенцы». В.В. Розанов

О Розанове здесь, по существу, говорить не место. Он не нововременец, несмотря на то, что работал в «Новом времени». Но закал его личности, его писательского и человеческого «я» не таков, чтобы на него могла иметь хоть малейшее влияние та атмосфера чиновничьего шумного убожества, которая царила в редакции этой газеты. Со своей стороны и он со своими темами всегда был там «чужим», взаимно отталкиваясь с сотрудниками этой газеты, которых он тайно, конечно, презирал.

В «Новом времени» лишь небольшая часть Розанова, и к тому же он даже и сюда ухитряется принести свои монеты, свою нумизматику, свои увлечения тайными, интимными и сложнейшими темами религии, философии и жизни (прекрасные фельетоны — о святых местах, о сказках Шехеразады¹, о книге Дарского² и пр.); так что почти весь целиком, своей сложнейшей писательской фигурой Розанов не вмещается в этих столбцах и искать надо его не здесь, а в литературе вообще, в литературе космополитической, мировой, всеобщей, хотя он и носит отличительные черты именно русского писателя. Но темы его всеобщие и увлечения его тоже всеобщие.

Поэтому мы коснемся этого писателя в самых общих чертах, не полагая важным, что на большой жизненной дороге писателя случилось его встретить в том или ином обществе или в той или иной гостинице. Для Розанова это несущественно, как не существенно вообще для большого писателя все то, что из внешних обстоятельств ставится ему в плюс или минус. Чем больше писательское дело, тем больше заслоняет оно все эти внешние обстоятельства, которые только тогда скрывают от глаз писательскую фигуру, когда она миниатюрна.

Розанова укоряют за хуление радикальной общественности, за непристойные выходки по ее адресу, а также за непрерывное

влечение к теме, в глубине которой скрыто эротическое раздражение и вообще вкус эротизма.

Было бы нелепо «защищать» Розанова. Его надо разъяснять, демонстрировать, как сложнейшее и любопытное жизненное явление, к его теме надо возвращаться, выявляя ее отчетливей среди субъективных и смутных узоров и движений мысли Розанова. То плодоносное, что оставил он нам, представляет огороженный сад, в котором еще не все зацвело и распустилось. Но в почве этого сада заложены им богатейшие семена жизненных всходов. И если считаться не с «пустяками», а с существом дела, то тот самый Розанов, которого называют растлителем мысли и маньяком пола, оказывается в неизмеримо большей степени садовником и хранителем свежей и здоровой, полной соков и сил жизни, чем «недотепы», из всех лагерей, пускающиеся в обсуждение и осуждение Розанова, не понимая его там и не стыдясь собственного литературного невежества.

В писаниях Розанова действительно есть эротизм, переродившийся, как бы перебродивший, перегнанный в философию. Муть органических влечений и низменных рабских очарований проходила через перегонный куб отвлеченного мышления, через высшее начало в человеке, владеющее органом разума и выражения. И возникало слияние органического, плотского с отвлеченным. Возникало отражение духа и плоти и идеи в чувственном.

И с особенной любовью и сладострастным вкусом зарывался он в плотские низины, ища в них идейного проблеска, отзвуков той человеческой религии, которая соединяет верх и низ, звуча в теме эротизма, в размножении и продлении жизни и в исканиях Бога и окончательного смысла.

Как на просфоре есть знак церкви, так на плоти он видел тайные знаки высших идей и высших целей и человеко-божеских откровений. Любители «клубнички» и ревнители нравственности с одинаковым пристрастным вниманием останавливались на его частых упоминаниях органов рождения и страсти по их связи с откровениями древних религий и по их мощи, жизненной во все времена. Через острый и томительный вкус этих чувств он шел к идеям, притягиваемый к ним не холодным и бесцветным обликом правды, но также запахом, формами и красками плотского.

Не по случайности вырываются у него отдельные идеи, хотя он и рекомендует себя как раздробленного писателя. На самом деле афористическая форма его «Уединенного» и «Опавших листьев» знаменует только тайную цельность внутреннего «я», ока-

зывающуюся внезапно и мгновенно и фиксируемую в этих случайных и интимных проявлениях. Из-под спуда вырываются эти отдельные идеи, за каждую он отвечает, как за органическую идею своего мирозерцания.

Он выступил в литературе как консерватор, привыкший сочетать движение культуры с исконной русской правдой православия, с духом церкви. И он, перейдя потом в лагерь либералов-эстетов и мистиков, не мог уступить этой части своего духовного существа «левым» и не мог попать «свободы» своего выражения. Временами из него выпирала хула рационализму и общественности, проявлялась та естественная ненависть мистика и отвлеченного теоретика к духу рационализма, связанного у него неразрывно с духом общественности, которая выражалась Розановым в непристойных и порой диких по цинизму и вульгарности выражениях. Это считают подлостью и кривдой. По существу, Розанов мог сочетать уважение к духовной свободе с ненавистью к борцам за нее рационалистам.

Вернувшись окончательно в темные подвалы «Нового времени», он уже с крайним раздражением, ища яркой, грубой и оскорбительной хулы, обрушился на русские общественные святыни. И — стал проклятым и отчужденным.

«С общественным человеком я не то, чтобы скучаю, а умираю»... Вот разгадка его ненависти и цинизма.

